

ЧАРЛЬЗ ПИЕРС

ХРОНИКИ ДОМИНИКА

ОСКОУЛКИ ЧРЕЗ

*Сказка, перашииво облаченна
в пламье и грим научной фантастики*

Хроники Доминиона

Чарльз Пиерс

Хроники Доминиона. Осколки грёз

«Автор»

2026

Пиерс Ч.

Хроники Доминиона. Осколки грёз / Ч. Пиерс — «Автор»,
2026 — (Хроники Доминиона)

В 2094 году человечество открыло способ перемещения в пространстве, основанный на принципиально новых, прежде неизвестных законах физики. Но последовавшая за этим открытием гонка ведущих государств, жаждавших первыми извлечь выгоду из новой технологии, случайно привела к открытию ещё более грандиозному, ответу на вопрос, веками будораживший умы миллионов людей. Это история об ученом, что как титан Прометей одарил человечество светом знания, но сам же, подобно древнегреческому Икару, позволил охватившей его страсти сжечь себя без остатка.

Содержание

-	5
От автора	6
P.R.E.C.I.S.I.O.N. - 0	7
P.R.E.C.I.S.I.O.N. – 1	10
Глава – 1 – Надежды	11
Глава – 2 – Мечты	14
Глава – 3 – Грани дозволенного	17
P.R.E.C.I.S.I.O.N. – 2	22
Глава – 4 – Теория разделенных миров	23
Глава – 5 – Желания	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чарльз Пиерс

Хроники Доминиона. Осколки грёз

-

Чарльз Пиерс

ХРОНИКИ ДОМИНИОНА
Осколки грёз

#+

*«...Дай человеку рыбу, и ты накормишь его на один день;
Дай человеку удочку – и он выловит её всю, оставив потомкам опустошённые моря и океаны...»*

Москва
2026

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Дорогой читатель! Книга в твоих руках рассказывает историю об ученом, что как титан-Прометей одарил человечество светом знания, но сам же, подобно древнегреческому Икару позволил охватившей его страсти сжечь себя без остатка;

А человечество, некогда веровавшее в свою исключительность, смогло ощутить себя не вековым колоссом, но лишь хрупкой снежинкой, подле пламени свечи непостижимой Вселенной.

Большая сила не только накладывает большую ответственность, будучи достаточно велика, она, будто бы, и сама обретает собственную волю, вынуждая считаться с собой по одному лишь факту собственного существования.

Космос - прибежище странного; гигант мелочей.
Все необычное и невероятное в нем - в порядке вещей;
Обыденное, напротив же, явится исключением,
Набравшись смелости, мы отправляемся в приключение.
Творенья бед, рисунки грёз, что открывает свету знание;
Вера сойдется с наукой; измышления и игры познания.
И вот, забравшись далеко от дома...

Добро пожаловать в мир «Доминиона»!

P.R.E.C.I.S.I.O.N. - 0

Тяжелые капли дождя грузно барабанят по слегка обшарпанной оконной раме. За толстым стеклом, беззвучно поднимая взвеси брызг, суетливо снуют автомобильчики, с такой высоты выглядящие совсем игрушечными. Горький густой сигарный дым неспешно заполняет пространство под потолком, пока погруженный в глубокие думы средних лет мужчина, закинув ногу на ногу, поглаживает не слишком густую бороду.

Что есть «Бог»? Для кишачих в лабораторной чашке петри бактерий, «богом», безусловно, будет ученый, в эту самую пробирку их поместивший. Осознать его присутствие им не дано, его размеры для них невообразимо огромны, его способности - непостижимы. Легким движением руки он может как осыпать их дарами, навсегда удовлетворив все их потребности, так и полностью уничтожить всю эту «цивилизацию». Сам же ученый не будет считать столь великую власть выдающейся, напротив, для него это столь естественно и незначительно, что даже не стоит внимания. Но где находится сам ученый-человек? На самой ли он вершине или же, быть может, и сам он, и все его сородичи, населяющие целую планету, на самом деле тоже находятся в этакой исполинской пробирке, будучи частью эксперимента выходящего далеко за рамки их понимания?

Так всё же, что есть «Бог»?

Но мысли ученого, затушившего сигару и небрежно отправившего её в полет до мусорного ведра, были заняты куда более простыми и приземленными материями. В его глазах, укрытых под тонкими линзами в простенькой оправе, – отражение тусклого экрана, где несколько взрослых мужчин в лёгкой одежде со всей возможной увлеченностью деловито перекатывали полосатый шар по искусственной траве. Ученый смотрел финал кубка мира по футболу. Впрочем, само созерцание мало занимало его, ибо даже крупницы пепла от сигары на серых брюках удостаивались большего внимания, нежели происходящее на экране.

Послышался щелчок ключа в замочной скважине; дверь отворилась. На пороге, сжимая трясущимися от гнева руками промокший пакет с едой, появилась молодая девушка.

— Да что не так с этим миром?! — Выпалила она и топнула ножкой, едва не поскользнувшись на мокрых каблуках. Роскошные слегка волнистые золотистые волосы с несколькими выкрашенными в лазурный прядями небрежно облепляли её лицо, бежевая блуза изобиловала грязными пятнами, прилипая к телу и просвечивая насквозь, некогда пышная длинная юбка сейчас походила на половую тряпку. Отброшенный в сторону зонт не смог защитить девушку от водителя грузовика, щедро окатившего её из лужи.

— Что не так с этим миром? — Повторил за ней мужчина и тихо усмехнувшись медленно повернул голову уложив её на ладонь — Милая, я дважды нобелевский лауреат. Мне сорок семь. Мое имя есть в семнадцати учебниках, и это — только изданные в этом году. Если рассматривать деньги как универсальный материальный эквивалент общественного признания за совершенные заслуги, то эти две премии – выражение того, как человечество оценивает мой вклад, изменивший направление науки целой цивилизации.

Выдержав драматическую паузу, он поймал взгляд девушки и продолжил, указав пальцем в экран:

— А вот этот мальчишка закатывает кожаный шар в рыбацкую сетку. Ему двадцать три. Он получает в одиннадцать раз больше, чем я заслужил за всю свою жизнь. В год. Вне зависимости от того, проиграет его команда или выиграет. Через десяток лет даже имени его никто не

вспомнит, но общество оценивает его «труд» несоизмеримо выше моего, а ты спрашиваешь, «Что не так с этим миром?» ...

Будто бы услышав нелестные комментарии ученого человечек на экране скользнул по траве с таким серьезным выражением лица, будто бы от этого зависела судьба человечества; отобрав у соперника мяч он стремительно направился с ним к воротам, удар, мяч отскакивает от штанги и оказывается в сетке. На трибунах началось подлинное неистовство, но в комнате этого не было слышно, поскольку ученый предпочитал звучание симфонического оркестра бессмысленным крикам толпы.

— Вот, молодец, ещё заработал. — Поднял мужчина ладонь одобрительно кивнув — У него в контракте есть пункт, согласно которому за каждый забитый мяч он получает премию. Двадцати шахтерам придётся целый год подрывать свое здоровье в токсичных штольнях, чтобы собрать столько же. Ну, ещё и придётся все это время ничего не есть. А он? Оп! И готово. Сколько джоулей энергии он затратил на это действие? Раз то, чем они занимаются, так важно и ценно, может взять сотню таких ребят и пусть с утра до вечера заколачивают шары в сетку? Они так за месяц смогут удвоить ВВП целого государства...

— Ну он же не просто так это делает! Он с детства тренировался! — Вступилась за своего ровесника девушка, заслонив экран от обидчика собственным хрупким телом.

— То есть, его оправдывает то, что он не просто закатывает шар в сетку, а лучше всех умеет закатывать шар в сетку? А если ты закатаешь, это будет чем-то отличаться? Возвращаясь к деньгам, его гол стоит тысячи добытых тонн угля. Проблема лишь в том, что запасы угля на планете неизбежно закончатся, а вот мальчиков с кожаными мячами с каждым годом всё больше. С таким отношением к ресурсам и энергии вымирание человечества - уже решенный вопрос, дело стоит только за временем.

Надув тонкие губки девушка упёрла руки в бока.

— Зачем вы вообще тогда смотрите? Вот и выключите, раз вам настолько не нравится!

— Ну почему же не нравится? Очень даже нравится. Где ещё я смогу посмотреть на особую, специально выведенную породу *homo sapiens*¹? Они же, по сути, просто как дрессированные обезьянки, обученные одному единственному трюку, призванному развлекать эго маленьких царьков. — Продолжал учёный, покуда мальчишка на экране мчался по полю вскинув руки над головой и вывалив наружу язык, отчего сходство с довольным бабуином проявлялось особенно ярко. Но несмотря на все попытки сохранять твердость и серьезное выражение лица, предательская улыбка все сильнее прорезалась на лице ученого, теперь прикованного взглядом к глубоким зеленым глазам девушки.

— Очень дорогие животные, как ручные гепарды, тысячелетия назад развлекавшие персидских шахов. Ты так очаровательна, когда сердишься.

Звонко рассмеявшись, девушка согнулась пополам, оперевшись ладонями в колени. От её недовольства не осталось и следа, и заражаясь её весельем засмеялся и учёный, оттенив нежный тембр голоса девушки легкой хрипотцой. Изящно развернувшись, она переключила канал вопреки всем наигранным возражениям мужчины и вернулась в прихожую за оставленным там пакетом с остывшей мокрой едой. Теперь с плоского экрана беззвучно вещала взволнованная женщина на фоне весьма монструозной конструкции из труб и проводов. Брови ученого тот же миг приподнялись.

— А ну ка, прибавь немного...

В руках послушно кивнувшей девушки мелькнул пульт, и с каждым мигом голос диктора всё громче и громче звучал в комнате.

¹ Человек разумный (латынь)

— ...некогда просто теория наконец официально подтверждена. При участии ведущих сотрудников ЦЕРНа, а также специалистов из Китая и Японии, была совершена первая в истории человечества прецизия вещества.

— Один атом свинца был успешно перемещён в соседнее помещение с превышением скорости света. На всю процедуру, от начала накачки до непосредственного момента перемещения было затрачено... — Едва не сбиваясь от возбуждения продолжала женщина в широких очках, пока на экране исполняли торжественный танец несколько молодых ученых, чьи выражения лиц не слишком отличались от такового у забившего гол футболиста. А по эту сторону экрана, точно болельщик, празднующий успех любимой команды, мужчина вскочил со своего места запусив в волосы пальцы обеих рук.

— Поверить не могу! У них получилось...

P.R.E.C.I.S.I.O.N. – 1

"...Мы назвали это явление P.R.E.C.I.S.I.O.N. - "Particles resistless energy, controlled invading, switch into others nucleons", что значило - управляемые частицы, без сопротивления и потерь энергии проникающие в другие частицы и замещающие их собой. За одно только название его автора стоило бы изгнать из научного сообщества, но получившееся в итоге слово, "Precision", то бишь, "Точность", как нельзя лучше описывало суть явления. Замещение действительно происходит с невообразимой точностью, вплоть до последнего атома..."

Глава – 1 – Надежды

Осень две тысячи девяносто четвёртого. Человек не покорил космос. Летающие машины не стоят в длинных пробках на небесных шоссе. Роботы, что могли бы сопровождать людей в повседневной рутине так и не смогли устроить восстание в силу своего отсутствия. Вопреки всем прогнозам фантастов и футуристов, мир не обратился ни райской утопией, ни мрачным безрадостным местом. Уперевшись в физические пределы развития технологий общество замерло в некоем стазисе стабильности, подобно тому, как веками не менялся быт рыцарей средневековья, принимавших меч из рук деда и твердо знавших, что этому же ремеслу они будут обучать и своих собственных внуков. Или же сколь неотличимыми виделись друг от друга серые будни обитателя греческого полиса, убежденного в неизменности установленных законов вечного неба. Да и сам обитатель современности не слишком отличался от своего древнего предка, сколь бы сильно не кичился обратным, ни его нравственные, ни моральные, ни тем более интеллектуальные способности не претерпели значительных изменений, иначе как ещё можно было бы объяснить все те трагические события, что выпали на долю двадцать первого века?

Неуемная агрессия и безграничная жажда большего, этакая болезнь подросткового периода человечества лишь сильнее расцвела, воплощаясь в одном из наиболее заметных симптомов сего недуга – бесконечных, бессмысленных войнах. Но в отличие от все тех же рыцарей, обладающих достаточным достоинством и благородством, чтобы хотя бы называть вещи своими именами, продолжатели их идей, подсознательно ощущая собственную ничтожность и неполноценность, изобрели множество терминов, призванных скрыть истинную природу вещей. «Гибридная война», «Композитная война», «Маленькая победоносная война», «Особая военная операция», «Большие победные маневры» ... Не важно, под какой вывеской проходило действие, в сути своей это всегда оставалось уделом позорных неудачников, несостоявшихся государств, в своем ограниченном, убогом мышлении наивно тщавшихся скрыть свою некомпетентность, снова и снова повторяя, как мантру, «Война всё спишет» да «Мёртвые сраму не имут»...

Разумеется, никто из тех, кто наиболее громко призывал отдавать жизни на «победоносных маневрах», туда и не собирался, а посему естественный отбор, уступив бразды правления искусственной, управляемой селекции, никак не мог избавить популяцию от сих бесполезных для общества индивидов. Напротив, они чувствовали себя в наибольшей безопасности, отправляя на смерть для утоления своих прихотей наиболее бедные и наименее защищенные слои населения под предельно нелепыми лозунгами. Как и всегда.

Раз за разом наступая на всё те же грабли, люди даже не догадывались, сколь стремительно они приближали к пропасти столь хрупкую конструкцию, как «цивилизация», и сколько ещё шагов оставалось до неизбежного мгновения, когда во вселенских энциклопедиях возле слов «Человек разумный» можно будет добавить значок †.

Для дальнейшего развития человечеству требовался качественный скачок, что оставит за бортом и устаревшие, громоздкие институты, и их примитивных, как мамонты, последователей.

А пока жизнь шла своим чередом.

Скрипя половицами старинного университета под потрепанными кожаными туфлями в переполненную просторную аудиторию, неспешной походкой, вошёл увенчанный сединой мужчина. На его лекции всегда собиралось много народа, но в этот раз, похоже, количество собравшихся смогло удивить и его. Разговоры стихали, а некоторые из сидящих тотчас при-

ветственно встали со своих мест, но увидев ярко распустившееся раздражение на лице лектора смущенно садились обратно.

— Не нужно, не нужно... — Разнёсся его мощный, не нуждающийся в микрофоне, голос, эхом отражавшийся от стен аудитории — Поздравляю вас с началом нового учебного года!

Профессор оставил свой пиджак на спинке стула и устало потянувшись повернулся к маркерной доске.

— Со многими из вас я уже успел познакомиться, но для тех, кому повезло не сталкиваться со мной на прошлом курсе, представлюсь. Меня зовут Максимилиан Константинович Пыхмачевский, профессор кафедры естественных наук, но я не буду сильно бухтеть, если вы продолжите, как некоторые повадились, записывать меня и дальше, как «ПыхМакс Про» — Маркер заскрипел про глянцевой доске, пока некоторые из студентов, чья шалость оказалась разоблачена, стыдливо отводили глаза — В этом году мы с вами будем изучать физику элементарных частиц, а с теми, кому особенно не повезло, мы так же встретимся на кратком курсе квантовой теории поля.

Максимилиан звучно щелкнул колпачком маркера и скрестив руки уселся за столом, окидывая собравшихся оценивающим взором. Некоторых из присутствующих он действительно искренне уважал, но большинство посещали его лекции лишь для того, чтобы получить галочку за присутствие подле нобелевского лауреата. Сам же он смотрел на них глазами скульптора, созерцавшего груду сырой, необработанной глины.

Резким движением ученый вдруг вскинул руку и посмотрев на часы загадочно кивнул.

— Итак, допустим, произошло некое «событие», природа которого вам неизвестна. Однако, вы точно знаете, что у вас осталось восемь минут. Ваши действия?

Тот же миг, словно ток, пущенный по электрической цепи, по аудитории пронеслось возбужденное перешептывание. Даже если принять в учёт небольшое опоздание профессора, лекция должна продлиться ещё по меньшей мере полтора часа, но уже знакомые с манерой его преподавания, зачастую далеко выходящей за рамки учебной программы, прекрасно понимали в чем дело. Это вызов, что вновь и вновь, на протяжении курса, он будет бросать их интеллектуальным способностям.

— Ну... Я родным позвоню... — Наконец нарушил молчание робкий голос из дальнего конца аудитории. Ученый же лишь удивленно вскинул брови.

— Да? И что вы им скажете?

— Ну... Не знаю... А что вообще случилось-то?

— Вот я у вас и спрашиваю. Что? Случилось? — Медленно проговорил он, впившись в сжавшегося студента взглядом коршуна, преследующего полевку.

— Восемь минут – время, за которое свет проходит одну астрономическую единицу. Значит, что-то с Солнцем. — Озвучила ход своих мыслей студентка на другом краю помещения, накручивая на палец выкрашенный в лазурный локон золотистых волос.

— Двадцать очков вашему факультету. — Довольно кивнув щелкнул ученый костяшками пальцев, но осмотрев захлопавших глазами новичков добавил: — Шутка. И что с Солнцем?

Вновь по рядам прокатилось перешёптывание, но и в этот раз держать ответ никто не спешил. Вновь сверившись с часами, Максимилиан решил подстегнуть своих подопечных:

— Время, тем временем, уходит. Шесть минут.

— Если речь о скорости света и катастрофических последствиях в такие краткие сроки, то либо погасло, либо взорвалось... — Продолжала отдуваться за всех девушка.

— С трудом представляю себе условия, при которых Солнце может погаснуть. Рассмотрим варианты со взрывом?

— Вспышка сверхновой! — Воодушевленно выкрикнул юноша из первых рядов.

— Масса Солнца недостаточна для сверхновой. — Тут же с удовлетворенной улыбкой осадил его ученый — Ещё варианты?

Обсуждение разгоралось все ярче, звучали все новые и новые версии, но до размаха и высоты полета мысли ученого молодым студентам было далеко. Этого от них и не требовалось, ведь главной целью подобных бесед он ставил разжечь в них огонь, заинтересовать наукой, привить им ту страсть, с которой сам он относился к познанию Вселенной. Когда отведенное время подошло к концу Максимилиан негромко похлопал в ладоши возвращая себе внимание аудитории.

— И вот, ионизирующее излучение достигло Земли, и мы все погибли. Чуть погодя, не позже суток, с солнечным ветром прибывает и ударная волна. Разрушения оказались столь велики, что даже следов пребывания человечества на планете не осталось. Инопланетяне, ежели такие и существуют, прибыв на этот обожженный кусок камня придут к однозначному выводу, что в этом суровом месте вряд ли когда-либо могла существовать жизнь. Но что же случилось? Что заставило Солнце, согревавшее наш мир миллиарды лет, так поступить?

Поднявшись на ноги, профессор вновь вооружился маркером и принялся рисовать на доске кружочки со стрелками.

— Как вам должно быть хорошо известно, внутри ядра звезды протекают термоядерные процессы, в основном, с участием водорода. Превеликое множество крошечных частиц, пусть и находящихся под огромным давлением, все же довольно свободно перемещаются в пространстве, время от времени сталкиваясь между собой. Но вот, по воле случая, все они, не сговариваясь, двигаясь исключительно хаотичным образом, устремляются в направлении центра массы... — Выдержав драматическую паузу он повернулся лицом к аудитории — Взрыв. И это может произойти в любую секунду. Конечно, теоретически, вероятность подобного исхода ничтожна. Но если взять бесконечный отрезок времени, шанс будет стремиться к ста процентам. Рассмотрим формулу математического ожидания...

Маркер скрипел по доске, опутывая рисунки ученого вязью витиеватых формул. Застучали по клавишам вычислительных машин ученики, ручки заносили в тетради ценное, но бесполезное с точки зрения направления курса знание в толстые тетради.

Глава – 2 – Мечты

Наблюдая за поднимающимся над чашкой кофе паром, молодая девушка утомленно выдохнула и откинулась на спинку стула. Водрузив на стол поднос с бутербродами, напротив неё устроилась её подруга и однокурсница, Анастасия Забородина.

— Привет, Дашутка! Ты сегодня опять отличилась.

— Йо... — Устало махнула та рукой в ответ — Зачем он дал нам теорию вероятностей? Сейчас на матан идти, там пределы, а я уже – на пределе...

Настя лишь хихикнула. Высокие материи, о которых регулярно любил рассуждать Пыхмачевский, выходили далеко за пределы её самосознания, а потому, зная, что ничего из этого всё равно не будет на экзамене, уже к концу первой пары она переписывалась с мальчишками в телефоне.

— Какие планы на вечер?

— Даже не знаю... — Рассеяно протянула Дария щедро отхлебнув из кружки и вновь затеребив локон волос. По правде говоря, она планировала посетить выставку макрофотографий простейших, но после трех часов с Константиновичем уже чувствовала себя как выжатый лимон и, казалось, готова проспать до конца недели.

— А мы сегодня гулять пойдем! — Торжествующе объявила Настя — Ты тоже приходи, после пар, если надумаешь...

— Да, да... — Отмахнулась Дария обратив свой взор в окно. Глядя, как лучи покидавшего зенит солнца играли бликами в стеклянных стенах высоток, она размышляла, может ли то, о чем говорил сегодня преподаватель, случиться на самом деле.

Занятия пролетели незаметно. Для человека столь высоких умственных способностей, как Дария Дориан, гранит науки был – не твёрже плавленого сыра. В то время как прочие звучно стучали по клавиатурам, а наиболее продвинутые бесшумно касались голографических проекций, она же, будучи несколько старомодной, продолжала пользоваться простой ручкой и тетрадью, как и столетие назад. Длинные замысловатые формулы, исполненные каллиграфическим почерком, покрывали бумагу, будто выходя из-под кисти художницы.

Глубоко погруженная в свои мысли она дожидалась автобуса, что увезет её прочь из храма науки, когда её окликнул знакомый голос.

— И снова здравствуйте, мисс Дориан.

Слегка вздрогнув от неожиданности, девушка смущенно улыбнулась.

— Добрый вечер, Максимилиан Константинович!

— Как прошел ваш день? — Участливо поинтересовался ученый, выискивая нечто в недрах потрепанного кожаного портфеля.

— Немного утомительно... — Отозвалась она, неловко отведя взгляд в сторону — А у вас?

— А мой ещё не прошел. Вот, еду на конференцию.

— Опять работаете допоздна... — Наконец найдя в себе силы поднять глаза улыбнулась девушка. Ученый лишь развел в стороны руками. Подле него остановился автомобиль с шахматным узором на дверях и открыв дверцу он вновь повернулся к девушке.

— Ну, до скорой встречи. — Произнес он, таинственно подмигнув на прощание.

Провожая взглядом автомобиль Дария лишь устало выдохнула. Вот прибыла и её карета, и не без усилий втиснув свое тело в переполненный автобус мертвой хваткой она вцепилась в обшарпанный поручень. И вот этот сверхсовременный транспорт двадцать первого столетия помчался вперед, временами встряхивая свое содержимое подсакивая на колдобинах дороги.

Дороги, что ремонтировалась ежегодно, но казалось, с каждым разом невообразимым образом становящейся только хуже.

Несколько коротких остановок спустя девушка покинула транспортное средство, зашагав по привычной дороге к дому, проходя под роскошным плакатом в целую стену здания. «Слава народу-победителю!» – гласила надпись на плакате, скрывающем трещину на фасаде строения и хорошо читаемая в дневные часы. В позднее же время суток, в силу мистической пропажи одной из освещавших сей элемент декора ламп, надпись несколько видоизменялась, принимая загадочный и устрашающий вид: «лава роду-бедителю!».

Вот и дверь подъезда, щедро увешанная призывами голосовать за представителя партии, вот уже на протяжении века обещавшей, что завтрашний день неизбежно станет лучше, нужно лишь сделать правильный выбор. Может быть, для кого-то это и было правдой, ибо его упитанная, лоснящаяся физиономия явно смотрела в будущее с оптимизмом, ибо конкурентов у него все равно не было, а любые попытки разместить предложения других партий стремительно пресекались.

Выудив ключ из недр сумки, девушка вошла в подъезд и юркнув в удачно открывшийся лифт нажала кнопку своего этажа. Двери со скрипом затворились, и под аккомпанемент мигающей лампочки лифт доставил её в нужное место с таким звуком, будто в действительности он работал от ядерного реактора и совершал телепортацию, а вовсе не простой подъем на тресе на десяток этажей.

На мгновение задержавшись возле двери Дария вздохнула и провалив ключ в замочную скважину вошла в квартиру.

— Дашка, это ты там? — Тут же донеслось до её ушей.

— Да, я ... — Нехотя отозвалась девушка.

— Сгоняй в магазин за колбасой, там если две берешь, третью дают бесплатно.

— Я устала! — Несколько повысила голос девушка, не желая ввязываться в объяснение принципов работы дисконтного маркетинга.

— Чего ты устала-то? Сидела весь день уши развесив, ничего не делала серьезного. Вон брат твой, на три года младше, а работает...

Девушка закрыла дверь своей комнаты оборвав окончание фразы, которую она слышала уже множество раз. Повесив сумку на спинку стула, она привычным движением запустила затарактевший старенький компьютер и села подле него. Водрузив на стол локти, она рухнула лицом в раскрытые ладони.

Лучи заходящего солнца высвечивали плавно плывущие над столом пылинки, оседавшие на мембранах старых динамиков, что едва слышно наполняли комнату переливами клавиш фортепиано. В раскрытое окно влетали отголоски далеких полицейских сирен, одобренные надрывным собачьим лаем. Вершину столешницы украшали исписанные тетрадки, сплошь заполненные формулами, а на экране пара смешно нарисованных человечков с цветными волосами беззвучно перекидывали через сетку теннисный мячик. Сидящая перед экраном молодая девушка управляла движениями одного из них, размахивая перед своим лицом двумя надежными на кончики пальцев черными колечками, тускло светящимися голубым светом. Пусть телом она и находилась в комнате, мыслями она была далеко-далеко отсюда, и сердце и разум её были едины в своем устремлении, лелея и согревая единственную мечту.

Сбежать. Прочь из этого мира, раз и навсегда.

Послышался какой-то шум за дверью: должно быть, с работы вернулся её брат Алексей. Неуверенное шарканье ног по полу, заплетающееся бормотание, голос матери, срывающийся на крик; звук вдребезги разбивающейся посуды. Несколько мгновений спустя в её комнату постучали.

— Дашка...

Тяжело вздохнув, девушка легонько коснулась одним колечком другого, и человечки на экране замерли. Дверь её комнаты приоткрылась, и свет пролился на ухмыляющуюся, пошатающуюся небритую физиономию молодого мужчины, что выглядел куда старше своего возраста.

— Ну чего тебе, Алешка?

— Займи мне немножко, до зарплаты... — Расплылся в людоедской улыбке мужчина; в нос девушки ударил резкий запах алкоголя.

— Зачем ты на работу ходишь, если у тебя все равно денег никогда нет? — Скрестив руки на груди пренебрежительно скривилась девушка.

— Да чё те, жалко, что ли? Я же отдам! — Повысив голос попытался войти в комнату мужчина, но успел втиснуть лишь кончик ноги между дверью и стенами.

— Я ещё стипендию не получила. — С трудом сохраняя самообладание ответила девушка — Да и когда получу, не дам. Мне ещё проездной на месяц покупать, и сапожки на зиму. Иди лучше, поработай ещё.

— Типа самая умная чтоль?! — Рывкнул Алексей, навалившись на дверь и одним движением втолкнув девушку вглубь комнаты.

— Да, умная! — Наконец не выдержав взорвалась Дария всплеснув руками — Завидуешь?!

Крики, сопровождаемые размашистыми пасами руками, быстро переросли во взаимные оскорбления и угрозы. Тетради с «бессмысленными каракулями», точно осенняя листва, увлекаемая ветром, усыпали пол.

Очередной скандал окончательно вывел девушку из ментального равновесия; подхватив со спинки стула сумку и небрежно накинув на плечи куртку она вышла из квартиры даже не став дожидаться прибытия на этаж лифта. Она утешала себя мыслью, что была лишь единотробоной сестрой, ибо идея разделять с подобным человеком единый набор генов наводила на неё невообразимую тоску. Нашупав на дне сумки маленькую черную шкатулку она извлекла её на свет и быстрым движением открыв окинула взглядом нечасто используемую связку ключей. Слабый отблеск металла от уличных фонарей распустил на её лице печальную полуулыбку, и звучно захлопнув шкатулку девушка вернула её на обычное место.

Пронзительно скрипнувший тормозами перед остановкой автобус подхватил позднюю попутчицу и любезно предоставив выбор из множества кресел в практически пустом салоне повез девушку на другой конец города.

Холодный диск луны разрезал бесформенные нагромождения темных облаков, угрожавших пролиться тяжелым дождем на головы запоздалых путников. Лишь эхо стучавших по пустынной мостовой каблучков сопровождал девушку, изо всех сил сжимавшую взмокшие от боли глаза. Перед искомой дверью вновь в её руках сверкнула скромная шкатулка, и вот, использовав по назначению её содержимое, припозднившаяся путешественница тенью впорхнула внутрь помещения, бросившегося в глаза своей пустотой и аскетизмом.

Глава – 3 – Грани дозволенного

Прохаживаясь вдоль длинных выставочных рядов, утомленного вида мужчина сравнивал надписи на павильонах с информацией в буклете, зажатом между пальцами руки. Взгляд его задержался на причудливом облачении, покоящимся под толстым стеклом. Надпись на табличке подле него гласила, что это «Подлинный тосэй-до 1494г.». Одновременно с его выступлением здесь должен проходить форум востоковедов. На лице ученого проявилась снисходительная улыбка. Истинным востоковедом он не был, но насколько знал, такой разновидности доспеха, как «тосэй-до» попросту не существовало.

— Максимилиан Константинович! А мы вас ждали уже! — Долетел до его ушей взволнованный голос.

— Простите, я в вашем лабиринте несколько заплутал...

И вот более знакомый с местностью юноша проводил ученого по весьма людным, несмотря на поздний час, коридорам и заведя за широкую сцену любезно усадил на стул, позволяя в оставшиеся мгновения перед выступлением собраться с духом и провести последние приготовления. Будучи гражданином одной неназванной страны, он не мог принимать полноценное участие в практических исследованиях передовых областей науки, а посему оставалось лишь подобно павлину распуская хвост лавировать в словесных баталиях. Согласно наставлениям пригласившей стороны ему рекомендовалось всячески избегать упоминания темы прецизии, особенно недавних практических успехов иностранных коллег, дабы сквозь внешнюю мишуру «важности» проходящего здесь события не пробивалась действительность, скрытое в нутре абсолютное бессилие. Избегать темы прецизии! Ему! Получившему «нобелевку» за теоретическое доказательство возможности самого явления! Плевать. Ему и без этого найдется, о чем поговорить.

— А теперь, поприветствуем нашего долгожданного гостя, двухкратного нобелевского лауреата... — Воодушевленно зачитывал по бумажке мальчишка, посодействовавший в поиске нужного места, куда аудитория, как свора заводных болванчиков, выдрессированным движением хлопала в ладоши. Максимилиан поймал себя на мысли, что было бы куда более увлекательным, если бы вместо сего дрожащего паренька всю вот эту чепуху про «заслуженного ученого» и «мы несказанно рады приветствовать», отнимающую столько драгоценного времени, озвучивала кукла из носка с глазами-пуговицами. Насколько все было пустым и фальшивым внутри...

Набрав в грудь побольше воздуха, под всё усиливающиеся аплодисменты, Пыхмачевский зашагал к трибуне.

— Добрый вечер дамы и господа, друзья и коллеги! Я невыразимо рад видеть вас, нашедших в этот поздний час время для небольшой беседы о науке! — Не поведя и бровью беззастенчиво солгал ученый — Небезызвестный Артур Кларк некогда изрек: «Существуют две возможности: либо мы одиноки во Вселенной, либо нет. Обе одинаково ужасны». Я же считаю, что возможен и третий вариант, своей безысходностью превосходящий первые два вместе взятые: мы можем быть и не одиноки, но принципиальное устройство нашего мира может оказаться таковым, что мы не только никогда не встретимся, но даже и не сможем узнать о существовании друг друга. Навсегда оставив изначальный вопрос без ответа, и заставляя задаваться другими: «Почему наш мир устроен именно таким образом и какова наша роль во всем этом?». Более двух веков мы уже задаемся вопросом, если мы не одиноки, то, где же все? Это «Парадокс Ферми». Сателлитом к нему столь же долго существует и возможный ответ, уравнение Дрейка, предлагающий множество математических моделей, от пессимистичных до оптимистических. Разные забавные теории, вроде «Зоопарка», «Великого Фильтра» и прочее, прочее. Но в боль-

шинстве своем, все они основаны на том, что можно условно назвать «нашим пониманием» таких аспектов бытия как пространство, скорость, и, главное, время. В действительности, о времени, что сопровождает нашу цивилизацию от момента её появления до сегодняшнего дня нам практически ничего не известно. Но даже крупниц известных нам достаточно, чтобы я мог позволить себе дерзкое, но тем не менее, практически безальтернативное предсказание.

Ученый окинул взором исподлобья присутствующих. В зале было довольно темно, да и взгляд начавших тускнеть и терять остроту глаз, брошенный к тому же поверх очков, не способствовал установлению контакта с присутствующими. Он практически не мог разобрать их лиц. В каком они настроении? О чем думают? Смогут ли они верно оценить и истолковать значение его следующего заявления?

— Ни одно, из известных на сегодняшний день государств, через десять тысяч лет не будет существовать. По астрономическим меркам – ничтожное мгновение. Даже если мы не уничтожим наш мир к тому времени, это будет совсем другая цивилизация. С другими ценностями, другим мышлением. Быть может даже, другой биологический вид. Но что вообще такое «десять тысяч лет»? Что такое «год», не просто ли изобретенная нами искусственная концепция? Мы приняли эту меру, как самим собой разумеющуюся, основанную на вращении нашей планеты вокруг нашего светила. Но всего тысячу лет назад мы сжигали на кострах людей осмелившихся усомниться, будто бы это Солнце вращается вокруг Земли. Солнце, столь близкое к нам! Сегодня же мы смеемся над тем, как бездарно заблуждались наши диковатые предки, но далеко ли мы ушли от них? Разве чему-то научились? Теперь мы убеждены, что понимаем устройство и принцип действия черных дыр, объектов столь далеких, что мы никогда толком-то и не видели их, и вероятно даже никогда не сможем к ним приблизиться. Эксперименты доказали, что энергия и масса, понятия, столь тесно переплетенные меж собой, могут непосредственно влиять на течение времени. А что, если сверхмассивные ядра галактик и будут тем самым метрономом, не отмеряющим, а генерирующим само течение времени, уникальное для каждой галактики, таким образом, что взаимодействие между ними будет просто технически невозможно?

На экране позади профессора появились ряды несложных формул и графиков, наглядно демонстрировавшие его идеи: галактики с более массивными, тяжелыми ядрами должны были развиваться медленнее, звезды в них могли бы существовать едва ли не бесконечно долго. «Легкие» же галактики напротив, развивались более стремительно, звезды в них взрывались и вспыхивали чаще, но для стороннего наблюдателя из нашего мира, согласно теории относительности, все они выглядели бы одинаково, поскольку для него время будет течь в соответствии с установленными «законами» в нутре его собственной галактики. Каждый мир варится в своем собственном котле, и перейти в другое измерение – так же невероятно сложно, как уследить за крошечными бозонами в нашем собственном. С нашей точки зрения их срок жизни столь мал, что мы с трудом фиксируем их с помощью сложнейший приборов, но для них сие кратчайшее мгновение может длиться бескрайнюю вечность. Внимание профессора привлек взмах чьей-то руки с зажатым в ней алым шарфом, и сделав приглашающий жест ладонью ученый предоставил желающему задать вопрос слово:

— А что насчет нашей галактики? Могут быть тут у нас пришельцы?

— Пожалуй, могут. — Кивнул ученый — Но мы и так все равно не встретимся, скорее всего. Давайте представим, что таких планет как Земля разбросано по ней, скажем, десять штук. Много это или мало?

Мнения в зале разделились. Одни считали, что много, другие – маловато, но большинство в целом сходилось – достаточно.

— На самом деле даже один обитаемый мир на галактику – это огромное количество. — Вновь взял слово профессор — Экстраполируя это на размеры известной нам Вселенной мы получим тысячи и тысячи цивилизаций прямо сейчас, возможно, задающихся теми же самыми

вопросами. Но вернёмся к нашей умозрительной конструкции с десятком пригодных к обитанию планет. Это вовсе не значит, что мы можем разослать девять запросов «в друзья» по всей галактике с расчётом, что кто-нибудь да ответит. Давайте даже упростим до неприличия: пусть все эти планеты будут вращаться возле точно такой же звезды, как Солнце, и иметь такую же массу, орбиту, и прочие параметры, как наша. Мы по какой-то удивительно наивной недалёковидности решили, будто бы одного этого достаточно, чтобы спустя эн-ное количество лет тут сами собой, как грибы, выросли небоскрёбы. Динозавры, бродившие тут миллионы лет прекрасно себя чувствовали и без них, и может быть, бродили бы тут и по сей день, если бы не злополучный инцидент с каменюкой испортившей сим колоссальным животным весь праздник.

Максимилиан был в ударе: сняв микрофон со стойки он расхаживал по сцене, озвучивая какие огромные изменения для эволюции мира могут иметь значительные и самые незначительные отклонения: две луны, три луны, ни одной луны, ближе к звезде, дальше, гравитация меньше, гравитация больше. Чем принципиально отличается падение астероида в океан от падения на сушу, вспышки вирусов, извержения кальдер гигантских вулканов, расположение материков... Казалось, он мог говорить на эту тему бесконечно.

— И вот, к концу нашего мысленного эксперимента мы имеем помимо «нашей» Земли две планеты с продолжающимся господством динозавров, две планеты, где динозавры стали последними свидетелями катастрофы, сделавшей планету необитаемой, и ещё одну, где едва спустившиеся с веток деревьев приматы подхватили вирус, в целом, не слишком опасный, но отсутствие способности делать прививки на данном этапе развития сделало вид достаточно неконкурентоспособным, а посему, не без помощи хищников, приведший к вымиранию потенциально разумного вида. Ещё для двух миров, сформировавшихся относительно «недавно» прошло слишком мало времени, хотя мы толком-то и не знаем, сколько времени действительно нужно, и при каких условиях вообще появились первые формы жизни даже в нашем с вами мире. А для последних двух, так сказать, слишком «поздно». Они не прошли галактический естественный отбор, или, ежели угодно, «Великий Филтр». При чем им необязательно полностью уничтожить свой мир в результате, допустим, ядерной войны. Они могут стать просто, как я их называю, «Потухшими цивилизациями» — народами, обреченными навсегда остаться в границах собственной планеты. Ежели какая-то цивилизация израсходует, в действительности, довольно ограниченные запасы ресурсов родного мира до того, как научится добывать их с близлежащих небесных тел, скажем, бездарно сжигая запасы топлива, или в результате бесконечных войн... — На этих словах ученый повысил голос, недвусмысленно намекая, какую судьбу он пророчит человечеству — То будет вынуждена навечно остаться на довольно низкой стадии развития. И история их окончится не позже, чем подойдет к концу срок жизни даровавшей планете жизнь звезды. Произойдет варваризация, подобная той, что некогда погубила все достижения Римской империи, и в очередной раз мы окажемся в средневековье. Канаде, конечно, будет легче приспособиться, наверное, на такой случай у них как раз и была законсервирована монархия...

По залу прокатились тихие смешки. Бросив взгляд на часы, ученый удивленно вскинул брови: он то думал, что болтает уже очень долго, а на деле не подошел даже к экватору, пожав плечами он решил продолжить тему:

— Поскольку мы ограничены только воображением, давайте щедро заселим ещё два мирочка, хотя теперь наша галактика уже набита плотно, как сельди в банке, пусть эти две цивилизации будут весьма удачливы и избавлены от множества ошибок. Поселим их рядом, но разнесём во времени: первая уже колонизирует планеты собственной системы, вторая все ещё отращивает жгутики в водах первичного бульона...

Пыхмачевский повернулся к аудитории спиной и смолкнув взял драматическую паузу.

— Вспышка сверхновой! — Резко развернувшись вскинул он руки над головой — Весьма распространенное и никак не зависящее от обитателей миров явление. Робкие, неокрепшие

колонии первой цивилизации сметены вместе с их изначальным миром, атмосфера настолько пропитана радиацией, что в течении года большинство видов ждет неизбежное вымирание. Второму же миру «повезло» зародиться позже: хрупкая примитивная жизнь в глубоких толщах воды не пострадала от излучения. Пусть поверхность и стала стерильна на многие сотни лет, к моменту, как первые обитатели пучин выберутся на сушу, она вновь станет безопасной. А это событие, что пройдет абсолютно незамеченным, на самом деле повлияет на будущее мира как ничто другое: осколки разорвавшейся в могучей вспышке звезды, собранные молодой звездой-пряхой, прольются на её миры огненным дождем астероидов, богатых множеством тяжелых драгоценных металлов. Золото, серебро, платина – будут там в таком изобилии, что в этой цивилизации никогда не будет концепции золотых денег. Быть может, и вообще никаких денег не будет. Дети смогут играть с золотыми камушками, самый нищий музыкант сможет позволить себе струны из чистейшего серебра. Какая романтика! А попади туда представитель нашей культуры – местные будут смотреть на него, как на сумасшедшего дикаря, зачем-то набивающего себе все карманы булжниками... Зато какую электронику они смогут создать. Даже если их технологии будут похожи на наши, на материалы они скупиться не будут. Золотые контакты, даже в самой дешевой лампочке. Практически вечные, нержавеющие и не окисляющиеся провода. И при всем этом, мы рассматривали только практически идентичные нам формы бытия. В действительности, вовсе необязательно, чтобы они хоть сколько-то походили на нас: они могут обладать другим строением, мышлением, культурными и личностными ценностями, да даже вовсе быть малоподвижными кремниевыми формами жизни, тысячелетиями существующими с одной-единственной мечтой: стать самым «крепким» на этой поляне.

Обведя присутствующих полным надежд взглядом, профессор подвел теме заключение:

— Мы разделены не только в пространстве, не только во времени, но в том числе и образом мышления. Даже если Вселенная фонтанирует жизнью, наши шансы встретиться ничтожно малы.

Заметив ещё одну поднятую руку, ученый вновь передал ход в зал:

— Но, а вдруг, если так получилось, что совпало и время, и место, могли ли они к нам прилетать? Скажем, в прошлом?

— Крайне маловероятно. Если вы сторонник «теории палеоконтанкта», вам лучше посещать собрания уфологов. — Улыбнулся ученый в ответ, и в зале вновь зазвучал смех — Межзвездный перелет – событие столь фундаментальное и значительное, что нет ни единого шанса оставить подобное незамеченным. Прибытие даже одного летального аппарата к границам нашей атмосферы навсегда и бесповоротно изменит историю нашего мира, для цивилизации способной на подобное мы – не более, чем забавные животные, и опасаться, что какое-то «тайное правительство» сможет сбить и спрятать летающую тарелку абсолютно бессмысленно. Любые заявления от тех, кто якобы видел, встречал, или даже был «похищен» загадочными «человечками» – просто абсурд от шарлатанов.

К концу конференции вопросы присутствующих стали окончательно нагонять на ученого тоску: он, конечно, всегда был рад обсудить вопросы, связанные с потенциальными обитателями иных миров, но если его больше занимало, какими удивительными технологиями они могут обладать, или же какие невообразимые формы могут иметь их тела, то заполненные устоявшимися штампами головы обывателей раз за разом сводили всё к мысли, как некая сверхразумная раса, построив невероятной стоимости и размеров звездолёт, отправляется в рискованное, долгое и опасное путешествие к скромной голубой планете с целью похитить у недостойных землян котлеты из соевого мяса и рецепт пальмового масла. От таких разочарований у него обычно появлялось лишь желание погрузиться в какой-нибудь подземный бункер, лечь там в капсулу и проспять лет двести-триста, пока человечество ещё хоть чуточку не эволюционирует.

Вернувшись в свое, не столь грандиозное, жилище уже глубокой ночью, ученый приоткрыл дверь и замер на пороге, обнаружив неожиданного гостя.

— И снова здравствуйте, мисс Дориан.

— Добрый вечер, Максимилиан Константинович...

P.R.E.C.I.S.I.O.N. – 2

"...Принцип действия изначально казался нам вполне понятным, мало чем отличаюсь от простой накачки лазера. В специально обустроенную среду подавалось большое количество энергии, и когда её количество превышало пороговое значение, происходила реакция. Только вместо излучения энергии мы наблюдали скачкообразное поглощение с последующим замещением частиц подготовленных объектов. По своей старой традиции, мы начинали с малого, с объектов размером в несколько атомов, думая, что, как и всегда, мы сможем плавно увеличивать количество энергии и масштабы объектов. Как жестоко мы ошибались..."

Глава – 4 – Теория разделенных миров

Мерное тиканье старинных часов, висящих над не менее старинной, антикварной доской в столь же старинном здании университета отсчитывало мгновения, за которые суетливо поглядывающие на доску студенты должны были постичь одно из самых загадочных явлений современной физики – туннельный эффект. Длинные формулы, подкрепленные неряшливыми рисунками ученого, недвусмысленно сообщали: частицы, сталкивались с барьером, что неизбежно должен был остановить их движение, но по какой-то причине некоторым из них удавалось, подобно бесплотным призракам, просачиваться сквозь преграду. Их число было невелико, но тем не менее, достаточно, чтобы происходящее можно было не считать случайностью.

Будучи уже хорошо знакомым с этим явлением, ученый проявлял мало интереса к происходящему, уткнувшись взглядом в грудку бумаг на своем столе. В действительности, под ними он скрывал дисплей, где незаметно для всех читал свежие новости действительно интересовавшей его темы: практические эксперименты по изучению прецизии продолжались. Четыре атома свинца были перемещены с одного конца лаборатории на другой, превышение скорости света составило 3%. Насчет последнего же разгорелись наиболее яркие споры: критики утверждали, что превышения не было, а результаты измерений неверны в силу низкого качества оборудования. Тем не менее, само явление прецизии уже никто не подвергал сомнению. Скачкообразные перепады энергии в момент замещения вывели из строя более сотни предохранителей, а без электричества на восемь часов остался целый квартал. Приемлемая цена для выхода человечества на новый этап развития.

С некоторой грустью Пыхмачевский оторвался от экрана и бросил короткий взгляд на ряд формул на доске. Поправив очки, он обратил свой взор к аудитории и вскинув брови столкнулся взглядом с молодым студентом, чье выражение лица говорило о явном интересе, но неловко смущавшемся задать какой-то вопрос.

— Молодой человек, вы хотите что-то спросить?

Поколебавшись несколько мгновений, юноша все же заговорил.

— Простите, что не по теме... Я просто смотрел недавно вашу конференцию... Вы правда думаете, что черные дыры могут задавать течение времени внутри галактики? — Наконец решился он, потерев шею рукой. На лице ученого распустилась теплая улыбка, наконец-то этот урок стал интересен и для него.

— На самом деле, я думаю, что это – феерическая ахиня. — Обезоружил он опешившего студента неожиданно искренним ответом — Но отвечая на ваш следующий, ещё не заданный вопрос – в нашей замечательной стране с важным и умным видом нести пургу на огромную аудиторию – один из немногих действительно хорошо оплачиваемых видов деятельности. Однако же, не все аспекты этой теории я нахожу полностью бесперспективными. Например, идея, что некоторые фундаментальные законы, принятые нами как константы, на деле таковыми не являются – вполне возможна. Это касается не только времени, но и гравитации, сильного и слабого ядерного взаимодействия. Какие-нибудь сверхпродвинутые цивилизации вполне могут обладать технологиями, способными изменять эти параметры с такой же легкостью, как мы изменяем температуру помещения поворотом ручки обогревателя. Взять, например, частицу нейтрино, о которой мы так же практически ничего не знаем. Прямо сейчас миллиарды и

миллиарды нейтрино пересекают эту аудиторию, проходят сквозь нас с вами, а мы не замечаем этого, потому что нейтрино никак не взаимодействует с известной нам материей.

Профессор окинул взглядом присутствующих: многие внимательно слушали, практически никого уже не интересовал ставший обыденным и приевшимся, но от того не менее поразительный туннельный эффект. Он был горд своими учениками.

— А что, если нет? — Заговорил он чуть громче — Если не просто взаимодействует, а ого-го как взаимодействует? Что, если частицы нейтрино и несут в себе те «правила», «законы» что мы по недалекости своей считаем константами мироздания? Проходя сквозь каждый наш атом, сии деловитые инспектора проверяют, соответствуют ли его параметры общей настройке, и ежели нет, в редчайших, исключительных случаях обнаружив «чужака» переписывают его установки — эти мгновения мы и считаем столкновением нейтрино с материей, что фиксируют наши детекторы. Назовем это явление, скажем, «*доминантой*», а нейтрино, что будут нести другой закон, будут «*иной доминантой*», и встретившись в одном месте они будут противоборствовать, в конечном итоге приводя к тому закону, чьё нейтринное излучение окажется сильнее. Ну, или же создавать такие фантастические правила, что нам попросту может не хватить воображения их описать. Что, думаете это невозможно?

Студенты молчали. Тема, поднятая ученым, выходила за пределы их мироощущения, да и сам профессор находился на тонкой грани понимания чего-то настолько безумного. Но не более безумного или фантастического, чем тот же туннельный эффект, давно ставший самим собой разумеющимся.

— Там даже не нужны серьезные изменения. Достаточно, допустим, всего лишь коррекции «постоянной Планка» на сотые доли процента — имы получим уже другую, поражающую воображение физику со своими собственными явлениями и порядками. И эта «*доминанта*» будет даже более «божественной частицей», чем злополучный бозон Хиггса, бозон Хиггса в квадрате, принципиально не обнаружимая, поскольку единственное следствие её существования — существование тех законов, что мы считаем изначальными законами Вселенной. Некогда группа ученых, исследовавших реликтовое излучение, построила очень тонко настроенную антенну, но когда они стали её испытывать, то обнаружили, что чтобы они не делали, антенна постоянно принимала какой-то шум, который исходил словно отовсюду. Этот шум и был реликтовым излучением, и оно действительно было буквально везде. Вот и тут то же самое. Вам понятно хоть что-нибудь? — Улыбнулся в конце своей речи Максимилиан, оглядывая хлопавших глазами подопечных. По рядам прокатывались сдержанные смешки стыдящихся признаться в своей обескураженности учеников, задавший вопрос юноша и вовсе раскраснелся. Мэтр вновь продемонстрировал размах своего интеллекта и многие не могли понять, почему же тогда ученый вместо этой, действительно интересной темы, обсуждал время и черные дыры?

Хотя, конечно же могли. Для обывателей громкие и крикливые заголовки, понятия популярны у масс, вроде исполинских черных дыр, размерами с целые галактики, будут куда доступнее, чем рассуждения о невероятных нейтрино, объектах столь малых, что их ни увидеть, ни потрогать, самое существование которых все ещё подвергается сомнению, несмотря на обилие имеющихся доказательств.

— А давайте лучше про пришельцев... — Попытался перевести тему студент, чьё любопытство и завело беседу в столь непроходимые дебри.

— Можно и про пришельцев, но только при условии, что вы разобрались с туннельным эффектом. Точно все понятно? Не обманываете? — Сложил руки на столе в замок ученый. Слушатели, улыбаясь, закивали. И хотя у него не было никаких проблем при работе с большой аудиторией, наиболее раскованно он чувствовал себя только при небольшом количестве слушателей. Эта же группа нравилась ему особенно сильно, не в последнюю очередь, потому что в ней находилась и его безусловная фаворитка, Дария Дориан. Переведя взгляд на внимательно слушающую его девушку, он скользнул взглядом по её тонкой, аккуратной шее. Мысленно погладив её по щеке, он задумался о том, насколько мягкими должны быть её волосы...

«Ах, о чем я думаю...» — Едва слышно прошептал он, резко отведя взгляд в сторону и прикрыв глаза ладонью. Покачав головой, он положил руки на стол и вновь заговорил:

— Вас, должно быть, тоже волнует животрепещущий вопрос: «Когда же они наконец прилетят?», но я лишь повторяю тот же ответ – никогда. Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем никаких «зеленых человечков» ожидать не стоит. Давайте представим, что на другом конце нашей галактики чрезвычайно продвинутой и агрессивной культуре прямо сейчас ведет войну с другой, не менее продвинутой общностью. Лазеры, нейтронные торпеды, огромные дредноуты – ну полный ассортимент всей этой лабуды из научной фантастики. И, следуя канонам популярного кинематографа, войну они ведут просто «потому что», безо всякой убедительной причины, агрессия без должной на то мотивации, расходуя ресурсов намного больше потенциальной выгоды. Представляют ли они для нас опасность?

Услышав практически единогласный утвердительный хор голосов, профессор лишь разочарованно хмыкнул.

— Да почему? — Не в силах сдерживать улыбку развел руками ученый.

— Ну, они же враждебны... И любят воевать...

— Да пусть хоть сверхвраждебны. Они до нас не доберутся все равно. Давайте предположим, что их сегодняшние технологии позволяют использовать двигатели, разгоняющие корабли до одной десятой скорости света. Это настолько фантастические значения, что будь у нас подобное, мы могли бы перемещаться в любую точку планеты буквально за пару секунд. Это практически равноценно телепортации, с такой технологией человечество можно будет смело записывать в самые выдающиеся народы Вселенной. И вот миллиард-другой очень агрессивно настроенных пришельцев залезает в свой навороченный космолет, застегивает на зеленых животах ремни безопасности и отправляется завоевывать Землю... Им понадобится всего-ничего, МИЛЛИОН лет, чтобы только пересечь одну-единственную галактику Млечный Путь. Это при условии, что они точно знают, куда лететь, летят без остановок, их корабль отличается феноменальной, просто волшебной надежностью, полностью автономен и не требует получения топлива извне, способен выдержать некоторые повреждения, что нанесут ему столкновения со случайными астероидами, ну и сами пассажиры каким-то образом смогут выжить в подобном путешествии...

Ученый продолжил перечислять проблемы, с которыми неизбежно предстоит столкнуться таким звездным странникам, дополняя свой рассказ схематическим рисунком корабля прямо под формулами на краю доски. Он предлагал ученикам самим заполнить «свободные отсеки» разными подсистемами, коварно вставляя все новые палки в колеса с каждым новым предложенным решением. Выход из строя системы жизнеобеспечения, исчерпание топлива в ядерном реакторе, истощение плодородности почв на фермах... Студенты продолжали предлагать резервные отсеки, а также резервные для резервных, но с каждой новой закорючкой на доске абсурдность подобного корабля становилась лишь более очевидной. Внезапно он нарисовал над кораблем комету со стрелкой и размашистыми чертами изобразил, как столь технологичное судно разваливается пополам от встречи с примитивной ледяной каменюкой.

— Что ж, пацаны к успехи шли, но не фартануло... — Заключил он, пожав плечами под одобрительный смех и аплодисменты — Но мы пойдем дальше, теперь пусть наши агрессивные не-братья по разуму обладают скоростью в десять световых! Хотя это, конечно, полностью противоречит всем известным нам законам физики, ну да ладно, гулять так гулять. Опасны ли они теперь?

В аудитории повисла тишина. Ответ казался очевидным, но зная, что профессор и тут наверняка подготовил подвох никто не решался в очередной раз выставить себя дураком.

— Теоретически, пожалуй, да. — Продолжил он, не став дожидаться ответа — Такой корабль, наверное, смог бы совершить подобный перелет. Но одно дело корабль, а другое — его экипаж. Наши гипотетические захватчики для своей завоевательной миссии, очевидно,

отберут самых лучших, самых талантливых членов экипажа и самых ярых головорезов для своего войска. Если они похожи на нас своей физиологией, мы можем приблизительно прикинуть жизненный цикл каждой особи. Пусть они будут чрезвычайно крепкими, не подверженными болезням и устойчивы радиации, а их средний срок активной жизнедеятельности составит 150 лет. За время путешествия такой длительности у них сменится целая сотня поколений, вспомните и сами, как сильно поменялась наша культура и мировоззрение за куда меньший срок. Отцы и дети в рамках одного-то времени между собой договориться не могут, а вы хотите, чтобы поколение тех, на чью долю выпадет непосредственно прибытие, потратили жизни в угоду хотелкам безумцев десятитысячелетней давности? Представьте, как если бы вам сообщили, что всё ваше поколение рождено лишь для того, чтобы построить новую пирамиду для фараона династии Себеннитов, помершего почти что три тысячи лет назад. Оно вам надо? Быть может, когда они наконец придут, их намерения кардинально изменятся, и вместо захватнической миссии они подарят нам цветы, что будут выращивать на фермах, позволивших им пережить путешествие. Или перебыют друг друга во время вспыхнувшего восстания, радикально перевернувшего их полетные планы, что на мой взгляд весьма вероятно.

— А могут они заморозиться перед вылетом и разморозиться уже здесь? — присоединилась к беседе Анастасия Забородина, что лишь удостоилась снисходительной ухмылки от сидящей рядом Дарии Дориан, что в позе готовящейся к броску змеи ожидала своего момента.

— Заморозиться, конечно, могут, — Кивнул профессор — но вот только качество получившегося на выходе «размороженного полуфабриката» будет даже хуже, чем при использовании «корабля поколений». Посмотрите, если будет возможность, в каком состоянии находятся пролежавшие в мерзлоте замороженные мамонты — вот что-то подобное и будет в результате. Криогенные технологии не останавливают полностью процессы жизнедеятельности организма, лишь замедляют их. Пережить столь длительную заморозку если и представляется возможным, то последствия и повреждения могут оказаться слишком значительными, чтобы после рассчитывать ещё и на какие-то активные действия. К тому же, тогда некому будет заниматься обслуживанием корабля, и тут мы снова возвращаемся к нашему рисунку... — Указал он пальцем на доску — А вы не думали, что наша планета — тоже своего рода «корабль поколений»? Может, и нас когда-то отправили кого-то завоевывать, и что мы будем делать, если вдруг завтра прибудем на место назначения?

— Что насчет «темной материи» и проблемы скрытой массы? — Устав от переливания пустого в порожнее наконец подала голос Дария. Не в силах сдержать довольной улыбки Пыхмачевский лишь снял очки, за неимением шляпы. Кто-то уловил самую суть.

— Действительно, стоящий вопрос. Да, пожалуй, эта «темная лошадка» может в корне изменить все расчеты. Но темная материя и энергия ведь необязательно существуют в действительности. Мы выдумали эту концепцию, лишь чтобы залатать очевидные дыры в созданной нами же картине мира. Владеющая силой «**доминанты**» цивилизация вполне может «настроить» гравитацию так, чтобы сила притяжения при аналогичной массе была двух-, может даже, трехкратной. Или вообще отрицательной, и отталкивать. А мы будем видеть лишь несоответствие видимой нами массы и поведения небесных тел. Даже если эта «темная материя» и существует, вероятно, никакая она не «темная». Это мы — темные и невежественные. Пытаемся искать нечто, что должно соответствовать нашим ожиданиям и отбрасываем все прочее.

— А если некая цивилизация, что владеет и «**доминантой**», и «темной материей», построит корабль, использующий в качестве движителя принцип прецизии? — Не отрывая взгляда от профессора произнесла Дария. От неожиданности ученый лишь вздрогнул и медленно повернув голову заглянул девушке прямо в глаза.

— Нет... Вряд ли... — Замявшись покачал он головой — Не думаю, что явление прецизии может существовать вне квантового мира. Так же, как и туннельный эффект — мы же не

рассчитываем, что, бросив яблоко в бетонную стену какие-то частицы его смогут просочиться сквозь. Хотя каждая отдельная частица, теоретически, и могла бы...

Взяв небольшую паузу на размышления, Максимилиан постучал костяшками пальцев по столу, и пожав плечами развел в стороны руками.

— Но если подобное всё же возможно, то всё, что мы знаем о Вселенной, всю нашу картину мироздания, можно будет смело нести на помойку.

Глава – 5 – Желания

Пронзительный скрип

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.